

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ АВТОРИТЕТ. СОВРЕМЕННАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЗАЩИТА

Линда Загзебски – доктор философии, профессор-исследователь им. Джорджа Линна Кросса. Кингфишер Колледж, Университет Оклахомы. 660 Parrington Oval, Norman, OK 73019, США; e-mail: lzagzebski@ou.edu

Современные защитники идеи автономии и традиционные защитники идеи авторитета в целом признают, что между ними так мало общего, что любые попытки диалога между ними по предмету возможности защиты идеи эпистемического, морального или религиозного авторитета становятся безнадежными. В настоящей статье я доказываю, что они ошибаются. Принимая ту предпосылку, согласно которой сам индивид – последний авторитет в отношении себя самого, я отстаиваю идею авторитета в области веры на тех же самых основаниях, что и Джозеф Рац в своей знаменитой защите политического авторитета в традиции политического либерализма. Признание того, что над определенными убеждениями довлеет авторитет, распространяет эту идею и на моральные и религиозные убеждения, что не только согласуется с идеей автономии, но и вытекает из идеи рационального самоуправления.

Ключевые слова: авторитет, автономия, самоуправление, Джозеф Рац, эпистемический авторитет

EPISTEMIC AUTHORITY: MODERN LIBERAL DEFENSE

Linda Zagzebski – PhD in Philosophy, George Lynn Cross Research Professor. Kingfisher College. University of Oklahoma. 660 Parrington Oval, Norman, OK 73019, USA; e-mail: lzagzebski@ou.edu

Contemporary defenders of autonomy and traditional defenders of authority generally assume that they have so little in common as to make it hopeless to attempt a dialogue on the defensibility of epistemic, moral, or religious authority. In this paper I argue that they are mistaken. Under the assumption that the ultimate authority over the self is the self, I defend authority in the realm of belief on the same grounds as Joseph Raz uses in his well-known defense of political authority in the tradition of political liberalism. The acceptance of authority over certain beliefs extends to moral and religious beliefs and is not only consistent with autonomy, but is entailed by rational self-governance.

Keywords: authority, autonomy, self-governance, Joseph Raz, epistemic authority

1. Современное отрицание авторитета

Часто отмечается, что одной из характерных черт современного мира является абсолютное отрицание авторитета, или по меньшей мере отрицание авторитета до такой степени, чтобы оно не приводило к

разрушению общества. Поэтому политический авторитет принимается в силу того, что он необходим для предотвращения социальной катастрофы. И, напротив, в области убеждений существует серьезный скептицизм по поводу необходимости авторитета. Люди согласятся с тем, что в ограниченных и тщательно очерченных областях существуют свои «эксперты», в частности в понятных лишь посвященным научных областях. И если в эпистемической области еще и существует хоть какой-то остаток авторитета, то он относится к научной области. А в тех областях, где убеждения выходят за пределы научного знания, в особенности в области морали, общее мнение сводится к тому, что никаких авторитетов не существует. Более того, даже эксперты-ученые не являются авторитетами в каком-либо четко определенном смысле этого слова. Доверять ли экспертному мнению или нет, полностью зависит от индивида. Вопрос о том, чтобы убеждение было навязано (*command*), даже не ставится, и соответственно, никто не обязан подчиняться какому-то убеждению.

Каковы же основания для отрицания авторитета в области убеждений? Я полагаю, что для этого имеются два интересных и значимых довода, которые появились в нововременную эпоху. Один из них принадлежит Джону Локку, он доказывает, что никто не может навязывать верования, потому что невозможно ему подчиниться. «К чему санкционировать законом то, что невозможно сделать даже при всем желании? Ведь вера в истинность того или другого не зависит от нашей воли»¹. Из этого следует, что если авторитет состоит в праве приказывать (*command*), то в области верований авторитетов не существует.

Утверждение Локка о том, что принятие убеждений не подвластно воле, имеет свою долю истинности и послужило причиной обширных споров в эпистемологии, но я не считаю, что сколько-нибудь труднее поверить в нечто по предписанию (*command*), чем поверить в то, что мне сообщается простым человеком. Все это зависит от обстоятельств. Допустим, моя подруга Анна искренне заявляет мне: «Она никогда не выйдет за него». Разумеется, я могу поверить ей, а если у меня имеются убедительные основания считать, что она – надежный и искренний человек, то я могу быть оправдана в этой своей вере. Мы все верим во множество сообщаемых нам фактов, часто мы делаем это по убедительным причинам. Представим себе ту же самую ситуацию, за тем исключением, что Анна слегка изменит свои слова. Вместо «Она никогда не выйдет за него» Анна скажет: «Поверь мне, она никогда не выйдет за него». Она даже может усилить повелительное наклонение своей фразы: «Она никогда не выйдет за него. Ты *должна* поверить». В каждом из приведенных примеров я знаю, что

¹ [Locke, 2009, p. 24; цит. по: Локк, 1988, с. 119].

Анна побуждает меня поверить в то, что она говорит, я также знаю, что она сама в это верит. Каковы бы ни были причины, по которым я должна считать, что Анна посвящена в интимные мысли нашей подруги о замужестве, в каждом случае они могут быть одинаковыми. Мне может быть неприятен тон, которым было высказано последнее предложение, но я не вижу причин не последовать данному предписанию (command). Если я приму свидетельство (testimony) Анны по этому вопросу, то почему я не могу также поступить и тогда, когда она оборачивает свое свидетельство в форму императива? На самом деле проблема заключается не в том, *могу* ли я верить предписанию, но в том, *желаю* ли я этого, а главное, *должна* ли.

Есть и вторая причина у того, почему авторитет в отношении убеждений повсеместно отрицался в Новое время; эта причина имеет колоссальное значение практически для каждой сферы человеческой жизни. Идея авторитета мыслилась несовместимой с идеей автономии. Идея автономии в том виде, в котором она используется в современном дискурсе, была сформулирована Кантом и философами, подготовившими приход Канта. Однако она распространилась в Новое время таким образом, что ее можно спутать с другими самостоятельными идеями, такими как стоическое понятие самодостаточности, экзистенциалистская идея аутентичности, идея целостности, а, в особенности идея независимости. В самом базовом смысле под *автономией* имеется в виду такое представление, согласно которому я сам являюсь конечным авторитетом в отношении себя самого. Именно в этом смысле, как кажется, идея автономии вступает в конфликт с идеей авторитета. Все это привело Роберта Пола Волфа к его известному аргументу о том, что в результате конфликта между авторитетом и автономией анархизм становится единственно приемлемой политической организацией общества [Wolff, 1998]. И в результате получило всеобщее распространение представление о том, что последнее слово о жизни и смерти индивида принадлежит самому индивиду. В этой связи особый интерес касательно автономии представляет не то, что в свете этой идеи попытка использовать власть авторитета представляется морально неправильной, но то, что сама эта идея делает ее принятие морально неправильным деянием. Если индивид поступает или верует во что-то на основании авторитета, то он поступает не так, как следует поступать индивиду, который сам управляет своими действиями и убеждениями. Он как будто повреждает свою самость. Поэтому автономия индивида может быть нарушена как им самим, так и другими людьми. Таким образом, конфликт между идеями авторитета и автономии весьма серьезен. Согласно приведенному аргументу, автономная личность не только имеет право отклонить навязываемый авторитет, но и обязана сделать это.

Не удивительно, что те, кто пишет об идее авторитета, считают, что она нуждается в защите. Те, кто ценят демократическое устройство, скажут, что политический авторитет государства проистекает от согласия тех, кем управляют; но имеются различные ответы на вопрос: «Почему вопрос об обосновании авторитета значим, если те, кем управляют, соглашаются с данным авторитетом?» Если мы зададим вопрос об источнике авторитета, традиционалист будет ссылаться на божественное управление миром или на Закон Природы. Сторонники теории общественного договора скажут, что договаривающиеся стороны отказываются от автономии в определенных сферах ради тех благ, которые приносят безопасность и процветание. Разумеется, заслуживают упоминания и многие другие обоснования авторитета, но почти в каждом случае защитник авторитета принимает ту исходную позицию, что авторитет несовместим с автономией. Все различие между анархистом, наподобие Волфа, и традиционалистом состоит в том, что первый ценит автономию, а последний – авторитет. Они согласны в том, что нельзя обладать и тем и другим.

Понятно, что приверженец одной из основных религий мира будет скептически настроен по отношению к авторитету, потому что структуры авторитета, присущие основным религиям, предшествуют по времени открытию автономии; многие толкователи этого вопроса считают, что идея автономности выросла из сознательного отрицания структур авторитетности. Вероятно, это представление ложно, однако мотивы исторических личностей не будут составлять предмета нашего исследования. Осознание того, что авторитет и автономия в высокой степени противоречат друг другу, если не сказать, что они явно противоречат друг другу, оказывало и оказывает огромное влияние на восприятие нами оправданности доверия авторитету, а неразбериха с тем, что требуется для интеллектуальной автономии, привела к тому, что был сформирован некогерентный идеал, согласно которому при формировании мнения надо полагаться только на себя.

Для понимания того, что такое интеллектуальный авторитет и интеллектуальная автономия, нам надо посмотреть на то, какой ответ в области политики был найден на вызов Роберта Пола Волфа. Три десятилетия назад Джозеф Рац, основываясь на той предпосылке, что окончательное слово о себе принадлежит самому индивиду, выдвинул весьма влиятельный аргумент в защиту политического авторитета, вошедший в анналы политического либерализма. В настоящей статье я попытаюсь доказать, что простое обобщение аргумента Раца дает совершенно параллельную его аргументу защиту эпистемического авторитета, включая эпистемический авторитет в таких областях, как мораль и религия. Мой вывод состоит в следующем: если политический авторитет совместим с автономией, то совместим и эпистемический. Интеллектуально независимая лич-

ность принимает множество верований на основании авторитета других людей. Автономия не тождественна тому, что надо полагаться только на себя при принятии верований, на самом деле автономия несовместима с подобным представлением.

Использование идеи автономии для обоснования идеи авторитета

Книга Джозефа Раца «Нравственность свободы» стала вехой в традиции политического либерализма [Raz, 1986]. Как в этой книге, так и в своих последующих работах Раци показывает, каким образом можно защитить авторитет государства от того убеждения, что последний авторитет для каждой личности – она сама. Влияние, оказываемое ранее работами Волфа, сошло на нет, а Раци – до сих пор один из самых влиятельных авторов по философии права в англоговорящем мире.

Перед тем как перейти в практическую область рассуждений, в частности в область политического, Раци выдвигает некоторые тезисы об идее авторитета в целом. Первый тезис состоит в определении властных утверждений (*authoritative utterance*). Это тезис о **Независимости от содержания**, позаимствованный Рацем у Г.Л.А. Харта. Властное утверждение дает субъекту некоторое обоснование для выполнения предписания, но это обоснование таково, что между ним и самим действием нет никакой прямой связи. Авторитет может направлять любое количество различных действий, и если бы авторитет побудил субъекта выполнять какое-то иное действие, то у этого субъекта должно было бы быть обоснование того, чтобы он выполнил это второе предписание вместо первого. Так, например, обладающий авторитетом может приказывать гражданам ездить по правой стороне дороги, но если бы он же приказал им ездить по левой, то у субъектов действия должны были бы быть основания для этого. Эта черта Независимости от содержания согласуется с требованием необходимости обоснований, для того чтобы принимать авторитета в качестве авторитета. Я затрагиваю данный тезис при том условии, что у субъекта действия имеются основания для того, чтобы принять авторитет как законодателя, у субъекта действия имеются основания поступать так, как велит ему авторитет, т. е. не независимо от того содержания, которое вкладывается в речь этого авторитета².

² Раци доказывает, что хотя принцип Независимости от содержания и необходим для авторитетности, он не является достаточным, так как угрозы и просьбы тоже не зависят от содержания. Я предполагаю, что эпистемические угрозы и просьбы необычны в нашей жизни, а потому оставляю их без рассмотрения в целях настоящей статьи.

Имеются такие случаи проявления эпистемического авторитета (*epistemic authority*), которые удовлетворяют условию Независимости от содержания. Например, это имеет место, когда авторитетная личность или мнение сообщества дает субъекту независимое от содержания обоснование в пользу утверждения. Если бы тот, кто обладает эпистемическим авторитетом, верил в иное утверждение, то у нашего субъекта должны были бы быть основания для веры в это другое утверждение. Например, если я оправданно убежден в обоснованности того, что ученые-климатологи говорят о выбросе парниковых газов, то если бы ученые придерживались иного мнения по этому вопросу, моя убежденность, основанная на этом мнении, была бы точно так же оправдана как и первая. Таким образом, верования, приобретаемые от другого человека, удовлетворяют условию Независимости от содержания.

Второй тезис Раца касается вопроса о том, что значит действовать по велению авторитета; это тезис о **Приоритетности** (*Pre-emption thesis*). Он гласит: действие по велению авторитета означает, что субъект должен принять директиву, данную авторитетом, как обоснование для совершения действия, заместив при этом данные другими людьми обоснования как в пользу, так и против совершения этого деяния. Например, у вас может быть много причин как в пользу того, чтобы остановиться на красный свет, так и в пользу того, чтобы не останавливаться. Представим, что в пользу остановки у вас имеются следующие причины: это кажется вам безопаснее, вы не хотите, чтобы вам выписали штраф за нарушение ПДД, наконец, так велит закон. Представим, что в пользу того, чтобы не останавливаться, у вас имеются следующие причины: вы спешите, а вероятность того, что вы проедете на красный свет, не рискуя и не будучи пойманным, достаточно высока. Если вы рассмотрите все эти причины, определяя важность каждой из них, а затем, тщательно все взвесив, вы решите остановиться, то в этом случае вы действуете не по велению авторитета. Вы поступаете по велению авторитета только в том случае, если *единственной* причиной, побудившей вас остановиться будет та, что так велит закон. Это значит, что авторитетность в своей основе является нормативной силой, дающей людям такие основания для их действий, которые обладают преимущественным правом. Вы действуете по велению авторитета тогда, когда вы принимаете эту нормативную силу, как основание своего поступка.

Тезис о Приоритетности дает нам понять, что *значит* поступать по велению авторитета, но он ничего не говорит нам о том, *должны* ли мы поступать так, как велят нам предписания авторитета. Для этого нам нужен третий тезис, называемый Рацем тезисом **Стандартного обоснования**.

Согласно этому тезису, обычный способ показать, что одна личность авторитетна для другой, состоит в том, чтобы продемонстрировать, что субъект склонен действовать, преследуя свои цели, если он принимает директивы авторитета и старается следовать им, а не пытается действовать ради своих целей напрямую. Другими словами, принимая, что у каждой самоопределяющейся личности имеются причины поступков, для этой личности рационально поступать, исходя из этих причин, наиболее выгодным для себя образом. Порой наиболее выгодный способ состоит в том, что нужно действовать окольными путями: делать то, что велит авторитет А. Если человек может лучше достигнуть своих целей, действуя так, как предписывает ему А, а не самостоятельно, то поступать так, как велит авторитет, – это то, что ему предписывает его самоопределение. Это – самый действенный способ достижения целей. Действовать, исходя из предписаний авторитета, которые имеют преимущественное значения для человека, означает, что авторитет подменяет деятеля в достижении его целей. Следовательно, принимая означенные условия, выходит, что совершение действий, основанных на предписаниях авторитета, не только совместимо с идеей автономии, но и вытекает из нее.

Задача Раца заключалась в том, чтобы обосновать систему законов на основании принципа Стандартного обоснования. У меня нет никакого представления о том, преуспел ли в этом Рац. Я бы хотела привлечь внимание к всеобщности тезиса Раца об обосновании авторитета. У рационально самоопределяющихся личностей имеется множество целей, некоторые из которых легче достичь, если в своих действиях руководствоваться предписаниями кого-то другого, будь то политический авторитет или авторитет в какой-либо иной области. У нас имеется множество практических целей, и поэтому тезис об обосновании авторитета может быть использован для обоснования следования авторитету во многих областях, никак не связанных с правом: в вопросах о здоровье, компьютере, выращивании растений в саду. Мы хотим отыскать истину во многих областях и у нас есть основания считать, что в этих различных областях имеются люди, авторитет которых может быть обоснован, если детализировать тезис Раца о Стандартном обосновании.

Тезис обоснования эпистемического авторитета

Эпистемический авторитет другой личности обосновывается для меня моим же сознательным решением о том, что я скорее сформирую истинное убеждение и избежу ложного, если доверюсь тому, что сообщает мне авторитет, а не стану устанавливать истину самостоятельно.

Принимая допущение о том, что авторитет в практических вопросах для самоопределяющейся личности обосновывается в рамках схемы Раца, то авторитет в отношении убеждений будет обосновываться этим же принципом. Если я мыслю реалистично, то я допускаю, что существует множество людей, лучше меня осведомленных об истине по некоторым вопросам. Когда я сталкиваюсь с ними и если я осознаю этот факт, то мое самоуправление как личности требует, чтобы я согласилась с их мнением по тому или иному вопросу, поверила в то, что они мне говорят по той причине, что они просто мне это говорят. Общее правило в этом случае таково: поскольку я считаю, что способность этих людей отыскивать истину, когда они используют свой опыт, свои навыки, базовые знания и суждения, лучшей моей, постольку я должна позволить им решать за меня, верно ли то или иное утверждение в соответствующей области. В данном случае я служу своим интересам, когда подчиняюсь им, а они служат моим интересам тем, что заверяют меня в истинности некоего утверждения.

Необходимо решить некоторые возникающие в связи с вышеизложенным вопросы, прежде чем для меня станет разумным поверить в то, что мне некто сообщил по какой-то конкретной проблеме со своей приоритетной позиции. Например, возможно, у меня есть причины считать, что для предполагаемого авторитета более вероятно достигнуть истины, чем для меня; но это только лишь немного вероятнее для авторитета. Если у меня уже сформировано свое мнение по какому-то вопросу, я буду уже чуть меньше уверенной в превосходстве авторитета надо мной, чем это было бы в том случае, если бы у меня не было никакого суждения. Было бы неблагоприятно не положиться на авторитет в данном случае. Все это не является характеристикой тезиса об обосновании, но говорит о признании трудности, связанной с тем, что трудно быть уверенным в превосходстве другого человека над собой по определенному вопросу.

Другая проблема возникает тогда, когда конкурирующие авторитеты, оба из которых с большей вероятностью достигнут истины, чем я, не согласны друг с другом, а я не могу судить, кто из них более авторитетен по данному вопросу. Возможно, разумным в данной ситуации было бы повременить с решением или вынести решение, основываясь не на упомянутых здесь основаниях: так сформировать свое мнение, чтобы обезопасить мои будущие размышления по данному вопросу. Я не сказала о том, над какими своими качествами мне стоит поразмыслить, когда я буду решать, как оценить два соперничающих авторитета, также я не упомянула о том, что достижение истины превосходит все остальные цели. Одной из целей рефлексии является такое самоуправление, чтобы достигнуть своих целей, которые сами подлежат дальнейшей рефлексии. После того, как я отрефлексирую в достаточной мере вопрос, может оказаться, что кто-то станет для

меня удовлетворять тем критериям, которые задаются тезисом об Обосновании эпистемического авторитета, даже если мы находимся в ситуации конкурирующих авторитетных мнений.

И тезис Стандартного обоснования Раца, и мой тезис Обоснования эпистемического авторитета могут нуждаться в дополнении другими принципами, чтобы мы могли получить определенный ответ на вопрос, как нам поступить или во что нам верить в определенной ситуации. Тот путь, который надо пройти от тезиса Стандартного обоснования Раца к решению, что необходимо принять определенный закон в качестве авторитета моего действия, сложнее того пути, который надо пройти от моего тезиса Обоснования эпистемического авторитета к решению о том, что определенное мнение надо принять как авторитетное. Однако мы обнаруживаем, что многие теоретики находят тезис Раца успешным в деле защиты политического авторитета. Если это так, то приверженцы ценности автономии должны серьезно отнестись к предложенной мною эпистемической параллели.

Приоритетность и данные, используемые в доказательстве

Я считаю, что тезис о Приоритетности более спорен, чем остальные. Я обнаружила некоторые неправильные представления о том, что этот тезис утверждает. Тезис говорит, что означает отдать какому-то другому верованию преимущество перед собственным верованием относительно того же предмета. Может показаться, что такое отношение требует от нас чего-то невозможного с психологической точки зрения: проигнорировать наши собственные основания в пользу или против этого верования. Но позволить одному основанию верования заменить (*pre-empt*) другие не требует того, чтобы я игнорировал иные свои доводы. На самом деле, именно потому, что я не игнорирую их, я понимаю, что верование авторитета обладает определенным статусом супротив моих других резонов. Если я останавливаюсь на красном свете, потому что так велит закон, то я позволяю тому факту, что закон чего-то требует, быть основанием моей остановки. Я не игнорирую тот факт, что я бы предпочел не останавливаться, потому что спешу, или тот факт, что я в общем полагаю, что остановиться было бы безопаснее, или тот факт, что мне не хотелось бы получить большой штраф за это нарушение. Но если я останавливаюсь по той причине, что так велит мне закон, то это основание для остановки приобретает статус основания моего действия. Это может быть основанием моего действия, даже если я могу перечислить множество причин как за, так и против того, чтобы останавливаться на светофоре. Тезисом о

Приоритетности также не требуется, чтобы я *решил* позволить одному моему основанию действия заменить другие. Я отнюдь не считаю, что могу контролировать свои внутренние состояния решением или силой воли. Тезис о Приоритетности не ставит вопрос о степени и масштабе самоконтроля. В нем ставится вопрос о том, как я должен поступать, как бы поступила рациональная честная личность. А вопрос о том, насколько я способна поступать рационально и вообще рациональна ли, остается в данном случае за пределами рассмотрения. По-видимому, время от времени я могу рационально верить, и поэтому полезно понять, какие условия необходимы для этого. Но ничто в тезисе об эпистемическом авторитете не подразумевает самоконтроля в отношении оснований верований.

Тем не менее также тезис Приоритетности будет отклоняться теми, кто настаивает на том, что разумные деятели рассматривают мнение авторитета как данные (*evidence*) в пользу истинности этого убеждения, которые должны быть добавлены к другим данным, имеющимся у этого человека. Но почему же не будет более разумным положить мои другие основания для действия на весы, возможно, придавая мнению авторитета больший вес, чем моим другим основаниям? Не является ли мнение авторитета просто еще одной единицей данных (*evidence*), которую мне следует добавить к общему объему всех моих данных (*total evidence*)?

Нет, совершенно не следует, поскольку если я так поступлю, то я ухудшу свой послужной список в моем стремлении добывать истину. Джозеф Рац предвосхитил это возражение в отношении практического авторитета и предложил ответ, который подходит и для случая эпистемического авторитета. Рац пишет:

Рассмотрим этот случай в общем. Предположим, я могу определить ряд случаев, когда я сильнее заблуждаюсь, чем предполагаемый авторитет. Допустим, по этой причине во всех этих случаях я решаю склонить чашу весов в пользу решений, предлагаемых авторитетом. То есть в каждом таком случае сначала я буду сам принимать решение, независимо от вердикта авторитета, а уж затем в тех случаях, когда мое решение отлично от его, я придам его суждению дополнительный вес на том основании, что авторитету виднее. Эта процедура изменит мое независимое суждение в определенном числе ситуаций. Порой даже после того, как я придам суждению авторитета дополнительный вес, оно все равно не одержит победы. В других случаях дополнительный вес, приданный суждениям авторитета, решит исход противостояния. Что будет происходить со мной, если принять эту процедуру? Если, как мы предполагаем, нет никакой иной информации, относящейся к существу дела, то мы можем ожидать, что в тех случаях, когда мое мнение поддерживает суждение авторитета, тяжесть и количество моих ошибок будут сокращаться и приравниваться к тому уровню ошибок, что

был допущен авторитетом. В тех случаях когда мое мнение противоречит суждению авторитета, тяжесть и количество ошибок, допущенных мною, остаются неизменными, то есть их уровень выше уровня ошибок, допущенных авторитетом. Это показывает, что только позволив суждениям авторитета заменить мои, я могу преуспеть в улучшении моих действий и подтянуть их к уровню, на котором находятся действия авторитета. Разумеется, порой у меня имеется дополнительная информация, показывающая, что авторитет в одних областях осведомлен лучше меня, а в иных хуже. Этого может быть достаточно для того, чтобы продемонстрировать, что в определенных обстоятельствах этому человеку недостает авторитета надо мной. Аргумент о приоритетности предписаний авторитета не может применяться в таких случаях [Raz, 1986, pp. 68–69].

Заметьте, что если этот аргумент имеет силу, то не имеет значения, чего касаются суждения авторитета – того, как поступать, или того, во что верить. Мне же этот аргумент представляется убедительным.

Забавные эмпирические исследования поддерживают ту точку зрения, что реализация стратегии приоритетности приводит к лучшим результатам, и этот вывод быстро усваивается крысами, однако люди сопротивляются этому принципу, и некоторые животные превосходят нас [в поиске истины]. Такие животные, как крысы и голуби, делают [свои шансы в поиске истины] максимальными. Если такое животное распознает, что один выбор является лучшим в большинстве случаев, то оно выбирает данную возможность все время. Напротив, люди пытаются сопоставлять вероятности. Например, если люди пытаются предсказать, какой загорится свет – зеленый или красный, они соразмеряют свои выборы, чтобы сопоставить вероятности, заложенные в механизме. Так что если зеленый свет загорается в 75 % случаев, то люди обычно прогнозируют, что зеленый свет зажжется в 75 % случаев, тогда как крысы в подобной ситуации всегда будут выбирать ту возможность, которая выпадет в 75 % случаев. Крысы оказываются правы в 75 % случаев. Люди проигрывают в этом отношении!³. Мы выигрываем в замещении верований, но нам тяжело принять этот факт. А особенно трудно это сделать, если авторитетом оказывается другой человек⁴.

³ См. [Mlodinow, 2008, p. 5–6] В ряде исследований показывается, что животные делают [свои шансы достичь истины] максимальными, тогда как люди пытаются сопоставлять вероятности. В исследовании, в котором студенты Йельского университета сравнивались с крысами, люди и крысы должны были предсказать, где окажется еда в т-образном лабиринте. Крысы справились с заданием лучше! Также существуют исследования, в которых показывается, что за замещение верований отвечает правое полушарие мозга. См. [Wolford, 2000].

⁴ Не тяжело найти анекдотическое доказательство тому, что люди не любят отдавать какому-то убеждению приоритет (pre-emption). Мы не прощаем авторитет, допустивший ошибку, даже если следование этому авторитету обеспечивало нам значительно лучший послужной список в наших действиях. Возможно (по край-

Имеется и другой источник противодействия принципам Приоритетности и Независимости от содержания. Допустим, что суждение авторитета возмутительно. Может ли это служить опровержением вашего верования в то, что перед вами авторитет в своей области? Да, может, но это не является основанием для отрицания принципа Приоритетности. Предположим, ваш терапевт прописывает вам принимать 4000 таблеток каждый час до конца вашей жизни⁵. Я допускаю, что вы скорее расцените ваше предположение о том, что не следует принимать так много таблеток, как более истинное, чем то суждение, что ваш терапевт – авторитетный врач. Чтобы определить, лучше ли вас этот терапевт осведомлен о вашем здоровье, вы имеете право принять во внимание любой факт, который заслуживает вашего доверия, при условии, что вы добросовестно пытаетесь достичь истины. Но пока вы добросовестно полагаете, что ваш терапевт осведомлен лучше вас, у вас имеются основания расценивать вердикт терапевта как такое суждение, которое замещает ваше собственное о том, что вам следует делать. Разумеется, то же самое относится и к вашему убеждению в том, что вы должны принимать 4000 таблеток в час. Эпистемическая авторитетность имеет то следствие, что доверие к себе в определенных областях заменяется доверием авторитету. Но все же общее доверие к собственным суждениям приводит к доверию авторитету, так что когда доверие к себе перевешивает наше суждение о том, что некто является авторитетом, то это последнее суждение может и должно быть отменено.

Как далеко простирается эпистемологический авторитет?

Существуют ли такие области верований, которые кладут предел идее авторитетности? Широко распространено мнение, что в области нравственных убеждений нет никаких авторитетов. Считать иначе, значит, по-видимому, отказаться от осознания того, как должна действовать самоуправляющаяся личность. Но можем ли мы последовательно обосновать то, что по научным вопросам мы принимаем суждения авто-

ней мере так было раньше), что имеются такие финансовые эксперты, которые действительно лучше справляются с задачей инвестирования средств, чем мы сами. Как показывает Рац, как только нам удастся идентифицировать такого эксперта, мы все время следуем его советам по лучшему инвестированию наших средств. Все это не требует от нас делать то предположение, что этот эксперт безупречен. Но если он хоть раз ошибется, то навлечет на себя гнев своих клиентов и может быть уволен.

⁵ Я приспособила этот пример для своих целей, позаимствовав его у Томаса Мэя [May, 1998, p. 145].

ритета, а по вопросам нравственности нет? Имеются ли какие-нибудь причины, почему в вопросах, связанных с решением работы компьютера, мы должны считаться с мнением авторитета, а в решении нравственных дилемм нет?

Одна из таких причин сразу же приходит нам на ум. Многие убеждены в том, что моральных истин не существует, или же считают, что такие истины имеются, но они сконструированы социумом. В любом случае не означает ли это, что в отношении истин о подобных суждениях не может быть авторитетного мнения?

На самом деле, нет. Поскольку я стремлюсь сделать свои нравственные убеждения (*moral beliefs*) истинными любым возможным для этого способом и считаю, что я скорее достигну этого, если приму свидетельство какой-то личности, чем если буду пытаться установить их истинность самостоятельно, постольку я оправдана в принятии нравственных убеждений, основываясь на свидетельстве этого человека, даже если нравственные убеждения не являются истинными в том же смысле, в каком ими являются научные суждения (*scientific beliefs*) или так называемые «фактуальные» утверждения (“*factual*” beliefs). На самом деле, я не должна считать, что нравственные убеждения могут быть истинными *хоть в каком-то смысле* слова. Поскольку я полагаю, что некоторые нравственные убеждения лучше остальных, постольку я могу быть оправдана в принятии нравственного убеждения авторитета, когда я считаю, что нравственное убеждение данного человека лучше моего. «Лучше» может означать: лучше обоснованное лучше направляет сообщество к цели мирного сосуществования, лучше в том смысле, что оно дает мне убеждение, которого я буду придерживаться и через десять лет, или «лучше» в каком-то ином смысле. В том случае, если я честно решаю, что чьи-то нравственные убеждения лучше моих в каком угодно смысле, то, немного изменив принцип обоснования, я буду оправдана в принятии этой личности как авторитета в отношении данного убеждения.

Другая причина для отрицания существования морального авторитета состоит в том, что эта идея вступает в противоречие с правом каждой личности следовать голосу своей совести (*conscience*). Действительно, то, что личность обязана следовать своей совести, является частью католической традиции. Много было написано о совести, порой она расценивалась как определенный источник знания о морали, наподобие сократовского даймония, его внутреннего голоса, предохранявшего его от совершения плохих поступков. Но совесть можно противопоставить авторитету, только если совесть является такой способностью, посредством которой я независимо сужу в некоторых случаях о том, что правильно, а что нет. Однако Папа Иоанн Павел II в своей энциклике 1993 г. *Veritatis Splendor*⁶ (раздел 32) говорит, что то, что имеется в виду под совестью, не может выступать чьим-то субъек-

⁶ Сияние истины (лат). – Примеч. пер.

тивным решением, действующим как высшая инстанция при выносе моральных суждений. Считать так, значит позволить таким критериям, как «искренность» и «достоверность» заменить утверждения истины. В этом смысле чувство совести не может выступать последним авторитетом. Но имеется и другой смысл понятия совести, который, возможно, выступает последним авторитетом: совесть как ваше самое лучшее суждение об истине, если принято все во внимание. В этом смысле совести ваше самое лучшее суждение не может вступить в конфликт с авторитетом: когда вы сами себе говорите, что авторитет с большей вероятностью достигнет истины, чем вы сами. Следовательно, совесть, интерпретированная как лучшее суждение человека, не вступает в противоречие с авторитетом, когда идея авторитетности защищается тезисом об Обосновании эпистемического авторитета, примененным к нравственным убеждениям.

Моя позиция во вопросу о религиозном авторитете точно такая же. Идею авторитетности в рамках религиозного сообщества можно защитить, распространив на него тот же общий принцип для обоснования авторитета, который мы использовали ранее. Религиозные авторитеты часто бывают и в эпистемической и в практической областях. Для меня оправдано верить эпистемическому авторитету религиозного сообщества, если я честно соглашусь, что я скорее достигну истины, если поверю в то, во что верим МЫ, сообщество, чем если буду пытаться достичь истины самостоятельно, независимо от НАС, сообщества или Церкви. Для меня оправдано доверять практическому авторитету, если я честно соглашусь, что я скорее проживу достойную жизнь, спокойно покину мир и достигну спасения, следуя предписаниям Церкви, чем если бы я пытался достичь этих целей самостоятельно.

Я считаю важной ту сторону этих дискуссий, что современная политическая мысль более мотивирована страхом перед плохим авторитетом, нежели стремлением к хорошему авторитету. Сейчас в силу исторических причин более важным считается продумать такое обоснование авторитета, которое предупреждало бы появление тирании, чем перенести на авторитет функцию помощи субъектам в достижении их личных и общественных благ. Это означает максимально возможное ограничение авторитета так, чтобы существование авторитета было совместимо с толерантным бесперебойно функционирующим обществом. Контур идеи авторитета, очерченные Рацем, обосновывают авторитет государства, отсылкой к способности государства помогать субъектам в достижении целей, которые у них имеются прежде, чем они становятся субъектами государства. Цели, которые государство помогает достичь субъектам, весьма ограничены, так что хотя государство обладает высокой степенью власти над субъектами в имеющемся отношении к вопросу областях, его власть не простирается на очень большую часть жизни субъектов.

Напротив, сообщества любого вида составлены из таких членов, которые имеют между собой нечто общее, то, чем не обладают люди, не входящие в конкретное сообщество. У сообществ имеются общие цели, которые не тождественны тем целям, которые были у индивидов до вступления в сообщество. Становясь частью сообщества, индивиды принимают его цели. Определенные сообщества могут стать продолжением себя, и его члены могут отсылать к нему, употребляя местоимение *мы*, обозначая тем самым, что они идентифицируют себя с сообществом и его целями. Существование в сообществе авторитета оправдывается частично отсылкой к общим целям, а не только к тем целям, что имелись у индивидов до вступления в сообщество. Но когда индивид понимает, что принятие верований на основании суждения авторитета из его сообщества является лучшим способом достичь своих целей, чем если бы он делал это независимо от сообщества, то доверие авторитету сообщества становится не только совместимым с автономией индивида, но и вытекает из нее.

Заключение: из автономии следует доверие авторитету

Современные защитники идеи автономии личности и традиционные защитники идеи авторитетности в целом признают, что между ними так мало общего, что попытки наладить между ними диалог о том, возможно ли отстаивать идею эпистемологического, морального и религиозного авторитета, становятся безнадежными. Но все же у них есть одна общая черта. Обе стороны согласны в том, что они безнадежно разделены. Я полагаю, что они заблуждаются. Принимая предпосылку о ценности автономии личности, идею авторитета в эпистемологическом пространстве можно защитить, исходя из тех же оснований, на которых базируется защита идеи политического авторитета в традиции политического либерализма. Если у приверженцев идеи автономии личности имеются возражения против принятия верований, основанных на суждениях авторитета, то они не могут фундаментализироваться тем представлением, что идея авторитета противоречит идее автономности личности. Если у них имеются возражения против принятия религиозных и моральных убеждений, основанных на суждениях авторитета, то они не могут фундаментализироваться тем представлением, что эпистемический авторитет в области морали и религии противоречит идее автономии. Имеются различные способы того, как может быть устроен

авторитет, а идея существования авторитета может, разумеется, подвергаться критике, но критика идеи авторитета как таковой оказывается просто ложной⁷.

Пер. с англ. К.В. Карпова

Список литературы

May, 1998 – *May T. Authority and Obligation // Autonomy, Authority, and Moral Responsibility*. L.: Kluwer Academic Pub, 1998. P. 125–147.

Mlodinow, 2008 – *Mlodinow L. The Drunkard's Walk: How Randomness Rules Our Lives*. N. Y.: Random House, 2008. 252 p.

Locke, 2009, Цит. по: Локк, 1988 – *Locke J. A Letter Concerning Toleration*. N. Y.: Classic Book America, 2009. P. 24. Цит. по: *Локк Дж. Послание о веротерпимости* / Пер. Н.А. Федоров // *Локк Дж. Соч.*: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 91–134.

Raz, 1986 – *Raz J. The Morality of Freedom*. Oxford: Clarendon Press, 1986. ix+435 p.

Wolff, 1998 – *Wolff R.P. In Defense of Anarchism*. Berkeley, CA: University of California Press, 1998 (1st ed.1970). 135 p.

Wolford, 2000 – *Wolford G. et al. The Left Hemisphere's Role in Hypothesis Formation // Journal of Neuroscience*. 2000. Vol. 20, No. 6. RC 64. P. 1–4.

Zagzebski, 2012 – *Zagzebski L. Epistemic authority: a theory of trust, authority, and autonomy in belief*. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2012. 279 p.

References

May, T. “Authority and Obligation”, in: May T. *Autonomy, Authority, and Moral Responsibility*. London: Kluwer Academic Pub, 1998, pp. 125–147.

Mlodinow, L. *The Drunkard's Walk: How Randomness Rules Our Lives*. New York: Random House, 2008. 252 pp.

Locke, J. “Poslanie o veroterpimosti” [A Letter Concerning Toleration], in: Locke J. *Sochineniya v 3kh tomakh* [Works in 3 volumes. Vol. 3]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 91–134. (In Russian)

Raz, J. *The Morality of Freedom*. Oxford: Clarendon Press, 1986. ix+435 pp.

Wolff, R.P. *In Defense of Anarchism*. Berkeley, CA: University of California Press, 1998 (1st ed.1970). 135 pp.

Wolford, G. et al. “The Left Hemisphere's Role in Hypothesis Formation”, *Journal of Neuroscience*, 2000, Vol. 20, No. 6, RC 64, pp. 1–4.

Zagzebski, L. *Epistemic authority: a theory of trust, authority, and autonomy in belief*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. 279 pp.

⁷ В настоящей статье дается синопсис основной идеи моей книги «Эпистемический авторитет: теория доверия, авторитета и автономии убеждений [Zagzebski, 2012].